

Колдовские

Миры

Глава 1

— Многоуважаемая Эльза, вот позвольте поинтересоваться, что вы там забыли?

Никто не откликнулся на эту преувеличенно-любезную реплику.

— Посмотрите, Грон, как ветрены женщины. Даже лучшие из них!

Огромный черный пес подошел поближе и ткнулся квадратной мордой в руку хозяина. Усы и борода забавно топорщились. Кустистые брови высоко поднялись — пес тоже удивлялся поведению Эльзы, явно сочувствуя мужчине.

— Эльза, дорогая, начинается дождь. Вылезайте из кустов! Сейчас же!

Ветки затрещали, словно в зарослях ворочался большой медведь. Раздались тяжелые вздохи. Однако никто так и не появился.

— Ну что же, пойдете, Грон, посмотрим, что там обнаружилла наша непослушная дама.

Из-за живой изгороди, что в осенних сумерках казалась непроходимой стеной, снова донесся долгий выразительный вздох. Должно быть, Эльза так показала свое отношение к мужскому эгоцентризму.

Хозяин собак покачал головой и отправился вдоль зарослей, что отмечали границу его владений. Лезть напролом через кусты он не собирался.

Шагал не торопясь, привычно опираясь на трость. На первый взгляд, этого мужчину можно было бы назвать привлекательным. Хорошая тренированная фигура. Ясные серые глаза. Но... Слишком бесстрастное выражение лица. Слишком ядовитая полуулыбка на поджатых губах. Безукоризненно строгая выправка — штангенциркуль загнулся бы от зависти...

— Ну, и что у нас тут?

Эльза была той же породы, что и Грон, только чуть помельче. Треугольные уши высоко поднялись, пимпочка хвоста заходила в извинениях.

— Я оценил степень твоего раскаяния, — усмехнулся хозяин. — Показывай.

Собака отступила. И мужчина, приглядевшись, увидел серый комок с белым пятном лица и светлыми волосами. В вечерних сумерках осеннего вечера, среди нарядных золотых листьев, тело женщины смотрелось как-то особенно неестественно и дико.

— Вот только трупа на моих землях не доставало, — недовольно проворчал мужчина.

Девушка — тоненькая, хрупкая, лежала на боку, поджав ноги и обхватив себя руками, в последней, отчаянной попытке согреться.

— Ладно, — вздохнул мужчина. — Не оставлять же ее здесь. Придется вызвать полицию. Отвечать на вопросы...

Он достал из кармана тонкую металлическую пластину, блеснувшую отполированным серебром в лучах заходящего солнца.

Эльза укоризненно посмотрела на хозяина. И снова тяжело вздохнула.

— Что? — удивленно посмотрел на нее хозяин. — Ты хочешь сказать, что она жива?

Мужчина неторопливо убрал пластину в карман, стряхнул с руки перчатку, опустился на колено, оттянул высокий воротник блузки и прижал пальцы к шее девушки. Через долгое-долгое мгновение он почувствовал, как что-то дрогнуло в глубине.

Хозяин поместья и собак поднялся, скривился и задумался.

Неясные, призрачные сумерки, щедро пропитанные недавно прошедшим дождем. Запах осени. Чудесный вечер. Он любил вечерние прогулки с Эльзой и Гроном. Одиночество. Покой, который он, несомненно, заслужил. И вот...

— Пожалуй, это самый оригинальный подход. Так ко мне убийц еще не засылали, — проговорил он наконец.

Грон угрожающе зарычал, Эльза посмотрела на хозяина со странной смесью жалости и иронии. Потом немного подумала, пытаясь все-таки разобраться в своих чувствах, и наконец проявила свое возмущение, громко и выразительно чихнув.

— Ты хочешь сказать, что не чувствуешь угрозы? Ну что ж... У профессионала может и не быть ко мне враждебных чувств, такое уже было.

Собаки, в тот раз только чудом успевшие спасти хозяина, напряглись.

— С другой стороны... Может быть — просто барышня в беде. Сбежала, наверное, от нелюбимого жениха! По возрасту для подобной дури вполне подходит.

Эльза и Грон насмешливо фыркнули, одинаково оценивая человеческую глупость...

Мужчина натянул перчатку. Положил трость на землю.

— Ладно, в любом случае подобная находчивость должна быть награждена... Будем считать, что меня заинтриговали.

Он легко поднял девушку, закинул себе на плечо. Ее шляпка слетела и покатилась, как перекасти-поле, подхваченная ветром.

— Домой! — скомандовал мужчина. — Эльза, трость захвати!

Эльза метнула на Грона быстрый, обеспокоенный взгляд, что означало: «Возьми трость, будь другом — я сейчас!», и унеслась за шляпкой таинственной незнакомки, попавшей в беду.

* * *

— Что вам угодно от доктора мертвых, господин барон? — поприветствовал его невысокий, начинающий полнеть мужчина, что ждал возле «кристаллического» экипажа — штуки неприлично дорогой и очень популярной в королевстве Отторн. Вместо лошадей в экипаже использовали магическим образом выращенные кристаллы бериллия. Поговаривали, что именно это изобретение помогло выиграть Десятилетнюю войну.

— Что же вас, мой дорогой доктор Фульд, понесло в судебную медицину? Лечили бы живых — ручаюсь, у вас была бы обширная практика.

— Ах, дорогой барон! После всех наших... приключений хочется общаться лишь с умершими. От них, по крайней мере, никаких сюрпризов не ждешь. Не то что от живых.

И доктор машинально потер страшный шрам от ожога по всей левой стороне лица.

— Ваш выбор. К делу.

— Слушаюсь, — подобрался доктор.

Они зашли в дом — свет приветливо зажегся по ходу их движения. Дошли до гостиной. Хозяин сгрудил свою ношу на диван.

— Посмотрите, кого Эльза нашла на границе моих земель.

— Вижу, — спокойно откликнулся странный доктор. — Это госпожа Агата. Агата фон Лингер. Ваша соседка.

— Даже так? — удивился хозяин поместья. Слова доктора опровергали его предположения о том, что найденная девушка — либо наемная убийца, либо сбегавшая от родителей дурочка.

— Она пропала сутки назад. Объявлена в розыск по подозрению в убийстве мужа.

Барон, который редко ошибался в людях — и во многом благодаря этому был еще жив, — недовольно покачал головой. Теперь ему стало интересно, ошибся ли он с возрастом дамы:

— И сколько ей лет? — максимально не заинтересованно поинтересовался он.

— Тридцать, я полагаю. Или около того.

Господин барон постарался проигнорировать ироничный взгляд своих собак. Хватит и того, что ему часто казалось, что они гораздо умнее людей. По крайней мере, умнее его самого.

— Смотрю, вы надели на нее кулон отсрочки смерти? — чуть улыбнулся доктор, явно получая удовольствие от замешательства хозяина дома.

— Чудесное изобретение, доктор! — пришел в себя барон, стараясь, чтобы в голосе звучала ирония. —

Позвольте еще раз выразить вам свое восхищение. На четыре-пять часов остановить все поражающие организм факторы — это просто чудо.

— Конечно, — проворчал доктор. — Если уж пострадавшая дожила до встречи с вами, было бы нелепо не дать ей дожить до встречи со мной.

Между тем доктор Фульд достал из маленького саквояжа прозрачную, светящуюся изнутри широкую пластину.

Барон молчал. Доктор, напряженно всматриваясь в пластину, провел ей от затылка женщины до самых пяток. Хмыкнул. Поморщился. Еще раз вернулся к гортани, пищеводу. Крутя пластину и так, и эдак, особое внимание уделил желудку. Привычно потер шрам... Достал из саквояжа еще одну пластину — поменьше, и длинную, тонкую иглу в специальном футляре.

Помассировал девушке прозрачную руку, уколол тонкий пальчик, с трудом выдавил капельку крови, ловко нацепил на глаз увеличительный кристалл, вставленный в черный конус. Сощурился. Насторожился. В этот момент доктор был похож на Грона, который учуял нарушителей охраняемой территории. Барон невольно улыбнулся.

— Вот странно... — выдохнул Фульд наконец.

— Что именно, доктор?

— Ну, переохладение — это понятно. Как я понимаю, несчастная то брела, то падала, теряя сознание. Окончательно отключилась часов десять назад. Скорее всего там, где вы ее нашли. В легких уже есть очаг воспаления... Но...

Фульд вытащил увеличительный кристалл из глаза и удивленно посмотрел на барона.

— Госпожу Агату... отравили!

— Может, сама?

— Не думаю. Барышни в таких случаях обычно предпочитают снотворное.

— В самом деле? — Барон усмехнулся.

— Да. Очень непрактично. Приходится тратиться — доза должна быть запредельно высокой, чтобы добиться летального исхода. Хотя... Для демонстративного суицида, с целью давления на окружающих — идеальный вариант. В основном подобные особы именно этого и добиваются. Жаль только, что после подобных попыток молодые здоровые женщины получают кучу неприятностей. Проблемы с памятью, зрением, сном.

Доктор осуждающе покачал головой.

— А вот если бы ее хотели отравить домашние, то использовали бы крысиный яд. Есть в каждом доме, смертность для людей стопроцентная. Если правильно дозу рассчитать...

— Но, судя по всему, это и не снотворное, и не отравка для крыс?

— Вот это и странно! — Доктор назвал армейский препарат, который использовали диверсионные группы обеих враждующих сторон, чтобы отравить источники воды.

— «Водяная Смерть»?! Но где она ее достала? — изумился хозяин дома. — Если, конечно, травилась сама. Или где его достали те, кто собирался убить бедняжку?

— То-то и оно...

— Очень любопытно. А живая она почему?

— Холод замедляет действие, — с укоризной посмотрел на барона доктор, словно тот должен был знать не только свойства, но и особенности всех отравляющих веществ.

— Ясно. И что теперь?

— Ничего, — стал убирать свои волшебные приспособления доктор. — Сколько прошло с того момента, как вы надели на нее кулон? Час? Значит, осталось три. Потом — стремительное удушье, и все. Остановка сердца. Можно, конечно, вынести несчастную на холод... Однако этим мы лишь продлим агонию.

Он посмотрел на барона — точь-в-точь Грон, когда тот по молодости рычал на всех близко подходящих людей без разбора. А потом подбегал к хозяину извиняться за несдержанность.

— Я составляю официальное заключение, — продолжил доктор торопливо. — Пусть хоть с бедняжки снимут обвинение. И прослежу, чтобы это преступление было расследовано как следует.

Барон по-прежнему пребывал в глубокой задумчивости. Потом вздохнул, словно очнулся. И решительно сказал:

— Нет.

— Что? — удивился доктор Фульд. — Не надо заключения?

Хозяин дома достал пластину, набрал комбинацию цифр. Спустя несколько гудков его настроенно спросили:

— Господин барон?

— Да, именно.

И собакам, и доктору показалось, что они увидели воочию, как собеседник (который до этого, должно быть, мирно ужинал) подскочил, стряхнув салфетку на пол и вытянулся по стойке смирно.

— Мне нужна от вас любезность, мой дорогой Петер.

— Чем могу служить?

— В вашей конторе есть противоядие от «Водяной Смерти»?

— Эту гадость еще используют? Ее же запретили по последней конвенции об отравляющих веществах. И даже, как ни странно, все страны придерживаются этой резолюции. Отравы действительно страшная!

— Похоже, ее стали использовать в частном порядке. Что, как вы понимаете, меня весьма раздражает.

— Я вас понял, господин барон. Противоядие есть. Но оно... слишком экспериментальное.

— Сойдет и такое. Выбора у нас все равно нет.

— Мы немедленно начнем масштабную проверку запасов, господин барон.

— Сделайте это по-тихому, без помпы. И пришлите своих следователей в марку Орнока. Под видом частных лиц. Пусть разберутся, что у нас происходит. И — не считите за труд — отправьте мне копии отчетов.

— Слушаюсь.

— Оставьте это, Петер. Я теперь частное лицо. И еще — по поводу противоядия. Оно мне необходимо через два часа.

— Кулон отсрочки смерти?

— Именно он. Хорошего вечера.

И барон нажал на кнопку, выключая связь.

Глава 2

— И вы не знаете, что случилось с вашим супругом, госпожа фон Лингер?

— Нет. Я знаю лишь то, что он не пришел домой ночевать. На связи его тоже не было. Я забеспокоилась и обратилась в полицию.

— Свидетели говорят, что в последнее время вы с супругом ссорились.

— Не больше и не меньше, чем любая супружеская пара после семи лет совместной жизни, — спокойно ответила женщина.

— А вчера?

— Вчера... Людвиг с утра уехал в город. Сказал, что у него дела. Я этим была не очень довольна. У нас — книга, сроки.

— Вы работаете вместе?

— Мой муж — знаменитый писатель, лауреат Королевской премии. Я — его помощница.

— То есть? Что вы имеете в виду? Тоже... пишете?

— И это тоже. Секретарь. Иногда — нянька. Часто — тиран. У нас более чем щедрая оплата, но жесткие условия контракта. Мы не можем себе позволить работать по принципу — «пойдет» текст или нет.

— То есть если бы не кровь на сиденье экипажа и вокруг него, то можно было бы предположить, что ваш муж просто все бросил и уехал. Так?

— Я могу только надеяться, что он жив. Что кровь — не его, — еле слышно отвечала женщина.

— Кто еще проживает в поместье?

— Мать моего супруга. Она вдова. Еще — ее старшая дочь. С сыном. Они с мужем разъехались в этом году, и она приходит в себя. Младший брат мужа также гостит у нас.

— Но дом принадлежит вам?

— Да. Мне и моему мужу. Недвижимое имущество у нас общее.

— А ваша семья?

— Поместье моих родителей было на линии высадки десанта имперцев в марке Нея.

— Сочувствую, — проговорил следователь.

Действительно, во время этой высадки оклеровские солдаты уничтожили все на своем пути.

Госпожа Агата неспешно кивнула, принимая соборезнования.

— Послушайте, госпожа фон Лингер, а что с вашими счетами? — продолжал следователь.

— Деньгами занимался муж. У меня есть свой счет, хозяйственный. И тот, на котором лежат деньги, оставленные мне покойными родителями. Я знаю, что мы обеспеченные люди. Вот — поместье купили в прошлом году. Землю с виноградниками...

— Вы достаточно спокойны.

— Если бы я билась в истерике и поминутно теряла сознание — было бы лучше?

— Так она его и убила, — громко и безапелляционно заявила пожилая полная дама, распахивая дверь в комнату.

— Добрый день, фрау фон Лингер, — вежливо поднялся следователь. — Будьте любезны, мне необходимо закончить беседу с вашей невесткой.

— Беседу?! Какую еще беседу? Я требую, чтобы вы арестовали эту мерзавку! Это... это она... О! Мой бедный мальчик! Мой сын! — Женщина опустила на небольшой диванчик, вскинув голову и прогнувшись в том месте, где должна быть талия. Диванчик жалобно всхлипнул.

Фрау Агата привычно и устало смотрела на свекровь.

— Она присосалась к нему, как пиявка! К моему бедному, доверчивому, талантливому мальчику! — Полные пальчики фрау пощекотали воздух, намекая следователю о том, что даме не плохо бы подать стакан воды.

Следователь потянулся за графином, бросив едва заметный взгляд на госпожу Агату. Та поморщилась,